

манеж в «октябре» / manege in «octyabr»

МІФЫ ДАТЛЧ

МОСКОВСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КИНО
ФЕСТИВАЛЬ
20.06 – 29.06.2013

Ясуо Фурухата
Заключительный этап нашей
работы совпал с землетрясением
Yasuo Furuhashi
The final stages of our work
coincided with the earthquake

Ник Рид
Самый лучший суп варят
в русских тюрьмах
Nick Read
The best soup is prepared
in Russian prisons

ЧАСТИЦА
ZERRE

стр. 3

ДОЛИНА ПРОЩАНИЙ
SAYONARA KEIKOKU

стр. 4

БЕРГМАН И МАНЬЯНИ.
ВОЙНА ВУЛКАНОВ
LA GUERRA DEI VULCANI

стр. 5

ЭТО НЕ Я
AITESCHEM

стр. 6

БАБОЧКИ
PILLANGÓK

стр. 7

ПРИГОВОРЕННЫЕ
THE CONDEMNED

стр. 7

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ МОНТАЖ

Реж. Дьердь Палфи

FINAL CUT: HÖLGYEIM ÉS URAIM

Dir. Gyorgy Palfi

PORTUGAL EUPHORIA

Portuguese cinema has its own traditions and its own classics but until recently it was considered marginal, i.e. it corresponded to the position of the country itself on the map of Europe. Even seasoned cinephiles sometimes call Portuguese cinema strange. In this country even the 104-year-old Manoel de Oliveira is mostly known as the oldest director of the world but not as an outstanding master. Almost none of his films were shown here. One might hope that the mystical "Strange Case of Angelica" will introduce us to the world of Oliveira who requires unhurried careful attention.

Everything has changed in the last few years. Portugal cinema is now at the centre of numerous passionate discussions, which have reached Russia too. The movie "Taboo" by Miguel Gomes, a supernova in European directing, was released in this country. In the program "Portuguese Euphoria" we screened the director's previous movie "Our Beloved Month of August". The reaction of the audience at the screening was very telling. In the overcrowded hall people were sitting on the steps, but after hearing amateur singers, some started leaving noisily before the main storyline became visible through the flow of life and rural ethnography. Once such meditative cinema filled with inner emotions was made by Otar Iosseliani (remember his "Pastoral"). Today the closest analogy to "August" would be "Chapiteau Show" by Sergei Loban, but those are far-fetched parallels. Still, Gomes found new fans in Moscow and one of them quoted his friend who lives in Portugal: "The Portuguese are like Russians, only they are kind". What he meant was probably anarchism, mood shifts from merriment to yearning and colonial complexes.

Once Portugal was one of the most powerful colonial empires but later it became province of Europe. In the age of globalization the outskirts are more and more indistinguishable from the centre, but still there are differences. The world outlook and the aesthetics of the country define the peculiarities of Portuguese cinema. Its heroes and its creators feel that they dwell on the outskirts, but at the same time they can see things better than from the centre; they have special optics.

Memories of the romantic and adventurist colonial past are a special theme for the Portuguese, where nostalgia is mixed with a sense of guilt and pangs of conscience. The protagonist of "The Battle of Tabato" (directed by Joao Viana) comes to Guinea-Bissau from Portugal for his daughter's wedding. The father is still haunted by ghosts of the past war in which he took part dozens of years ago. To the accompaniment of national instruments played by local village musicians (again!) the battle of war with peace and of the past with the future unfolds.

Today you don't have to go overseas to feel yourself part of an international empire. It has shifted to Lisbon. Back in 2004 the director Sergio Trefaut made the documentary "The Lisboners", whose characters have every color of skin and speak every language from Russian and Romanian to those spoken in Pakistan and Nigeria. In the film there are as yet no "horrors of migration" which have become a serious issue today at the time of crisis, but the picture of a globalized world is impressive. Several years later Trefaut makes "A Trip to Portugal" about the misadventures of a Ukrainian immigrant who was detained at the Portuguese border.

One of the movies of Portugal Euphoria is called "The End of the World" (directed by Pedro Pinho), though the action takes place not on some exotic continent but in Lisbon, a European capital. But the life of young people in proletarian districts is far from bourgeois standards of the European Union. The characters of "Blood of My Blood" by Joao Canijo seem to have come from Italian neorealist movies: unmarried woman, her sister and grown-up children – a son and a daughter. Their daily struggle for existence is shrouded in a horrible mystery, carefully guarded for many years. And finally there is a surprise movie by Joaquim Sapinho "This Side Of Resurrection", which relates the story of a surfing champion from the coast of Lisbon who decided to retire to a monastery.

Andrei Plakhov

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЭЙФОРΙΑ

Кино Португалии имеет свои исторические традиции и своих классиков, однако до недавнего времени оно считалось маргинальным – то есть отвечающим положению этой страны на карте Европы. Даже киноманы со стажем часто называют португальский кинематограф «странным». Даже 104-летний Мануэл де Оливейра известен в России главным образом как «старейший режиссер мира», но не как выдающийся художник: его фильмы у нас практически не демонстрировались. Надо надеяться, что показанная на Московском фестивале мистическая «Странная история Анжелики» станет введением в мир Оливейры, который требует неторопливого пристального изучения.

За последние годы все изменилось: о португальском кино говорят много и страстно, эти разговоры докатились и до России. У нас в прокате прошел фильм «Табу» Мигела Гомеша – одной из сверхновых звезд европейской режиссуры. В рамках «Португальской эйфории» состоялся первый российский показ предыдущей работы режиссера – «Наш любимый месяц август». На этом просмотре по реакции публики можно было многое понять. В переполненном зале сидели на ступеньках, но часть зрителей стала шумно уходить, услышав песни самодельных музыкантов и так и не дождавшись основного сюжета, который прорезается сквозь поток жизни и деревенскую этнографию. Когда-то подобное медитативное, насыщенное внутренними эмоциями кино снимал Отар Ио-

селиани (вспомним его «Пастораль»), сегодня самым близким аналогом «Августа» некоторым показалось «Шапито-шоу» Сергея Лобана, но все это далекие параллели. Тем не менее, Гомеш обрел в Москве новых поклонников, а один из них привел слова своего друга, живущего в Португалии: «Португалцы такие же, как русские, только добрые». Вероятно, он имел в виду анархизм, перепады от веселья к тоске и колониальные комплексы.

Португалия была некогда одной из самых могущественных колониальных империй, но потом оказалась окраиной Европы. В век глобализации окраина все меньше отличается от центра – и все же отличается. Мироощущение и эстетика края определяют своеобразие португальского кино. Его герои и его создатели чувствуют себя обитателями окраины – но в то же самое время видят все лучше, чем из центра: у них особенная оптика.

Воспоминания о романтическом и авантюрном колониальном прошлом – особая тема для португальцев, причем ностальгия здесь смешивается с чувством вины и муками совести. Герой «Битвы Табата» (режиссер Жоау Виана) возвращается в Гвинею-Бисау из Португалии на свадьбу дочери. Отца все еще преследуют призраки колониальной войны, в которой он участвовал десятки лет назад. Под аккомпанемент национальных инструментов, на которых играют (опять) деревенские музыканты, разворачивается битва войны с миром и прошлого с будущим.

Впрочем, сегодня не надо ехать в заморские края, чтобы

вновь почувствовать себя частью международной империи: ведь она переместилась в Лиссабон. Еще в 2004 году режиссер Серджио Трефо снял документальную картину «Лиссабонцы», герои которой могут продемонстрировать все цвета кожи и знание языков от русского и румынского до тех, на которых говорят уроженцы Пакистана и Нигерии. В этом фильме еще нет «ужасов иммиграции», обострившихся сегодня, в эпоху кризиса, но картина глобализованного мира уже предстает достаточно выразительной. А спустя несколько лет Трефо снимет «Поездку в Португалию» – о злоключениях украинской иммигрантки, задержанной на португальской границе.

Один из фильмов «Португальской эйфории» называется «Конец света» (режиссер Педру Пинью), хотя действие его происходит не на далеком экзотическом континенте, а в Лиссабоне, одной из европейских столиц. Но жизнь молодежи пролетарских районов далека от буржуазных стандартов Евросоюза. А герои картины «Кровь от крови» режиссера Жоау Канижу вообще напоминают персонажей итальянского неореализма: незамужняя женщина, ее сестра и дети – взрослые сын и дочь. Их повседневная борьба за существование покрыта мраком тщательно хранимой годами страшной тайны. Наконец, зрителей программы ждет фильм-сюрприз – «По эту сторону воскресения» режиссера Жуакина Сапинью – история чемпиона-серфера с лиссабонского побережья, решившего уйти в монастырь.

Андрей Плахов

ТУРЕЦКИЙ ГАМБИТ

КОНКУРС ЧАСТИЦА (ZERRE)/РЕЖ. ЭРДЕМ ТЕПЕГЕЗ

Интересно, что подобное чаще встречается в какой-нибудь скандинавской социальной драме, нежели в турецком кино. Это излюбленный антураж северных европейцев: мрачные улицы с мрачными людьми; какая-нибудь случайность, лишившая героя работы, мигом выбивает его из числа «добропорядочных членов общества», и кажется, что падению на дно не будет конца. Одни неприятности сменяются другими, и никто не хочет помочь: оказывается, что человек человеку волк... Понятно, что в старой Европе жизнь простых людей комфортнее, чем в Турции, и во многих смыслах надежнее. Но на Востоке, если верить фильмам, все и солнечнее, и пободрее: все отзывчивы и разговорчивы, бегут друг другу на помощь и угощают друг друга чаем в маленьких чашечках.

Угощают чаем и Зейнеп, молодую мать-одиночку, ютящуюся с мамой и дочкой в маленькой квартирке где-то в стамбульских трущобах. Но вот именно что только угощают чаем. Кроме самых общих слов сочувствия, никто ничем не может (или не хочет) помочь женщине, выгнанной с работы: выгнанной буквально, взашей, даже несколько карнавалено – отчего первые кадры обманчивы: дальше ничего карнавального не будет. Будет мрачный Стамбул с переполненными автобусами, подворотни, забегаловки, в которые Зейнеп заглядывает в поисках хоть какой-нибудь работы. Торговля пучками лаванды у ворот мечети как-то не задается (за все экранное время этот бизнес принесет ровно одну лиру), а друзья и родные... Они гостеприимны и сочувственны. Друга регулярно поит чаем, но просьбы помочь с работой как-то не то что бы проскальзывают мимо их ушей... Но как будто вызывают на лица легчайшую, едва уловимую досаду. Суровый европейский капитализм «переварил» и традиционное восточное общество.

Нет, Ремзи – брат Зейнеп – на правах единственного мужчины в семье пытается что-то сделать и хоть чем-нибудь помочь, но несколько бестолково, неловко: не случайно едва ли не десять минут зритель наблюдает за его попытками починить входную дверь, которые так и не увенчались особым успехом. Да и вообще, девушка не остается одна, и долгие семейные ужины позволяют хоть ненадолго забыть о волчьих законах экранного Стамбула, но и от этих ужинов порой веет холодком: телевизор. От телевизора в этом доме не отлипает никто, все жуют и пялятся в него с бессмысленными лицами. И бесконечно перетаскивают телевизор за собой: из одной комнатухи в другую... Здесь особенно хороша Гюльчин – малолетняя дочь Зейнеп. Та, ради которой женщина готова идти на любые жертвы и жить на какой-то дальней фабрике в условиях, приближенных к концлагерю... Дочь – неодошвенный предмет. Она не произносит ни слова. Она

напрямую «включена» глазами в телеэкран, никак не реагируя на ласки матери (оставаясь безучастной, впрочем, и в те редкие минуты, когда ее отрывают от экрана и несут умыть): а когда двигают телевизор, переносят следом и девочку...

Фильм Эрдема Тепегеза интересен, не в последнюю очередь, и этими яркими мелочами: «зомбированным» ребенком, «зомбированной» подружкой, которая всегда заучено улыбается, потому что гоняет чай без отрыва от работы в киоске, и приветливость надо держать наготове... Не проговоренной до конца интригой с кровью: есть люди, которым Зейнеп нужна в качестве донора. А в минуты волнения у героини идет носом кровь, и в те моменты, когда этого не происходит, внимательный зритель отметит, как женщина осторожно проверяет, трогает свой нос... Эти изящные восточные узоры украшают традиционный сюжет, в котором жизнь – как машина на скоростной трассе, внезапно вильнувшая, а потому оказавшаяся на волосок от страшных катастроф. Их, вроде, удается избежать, вывернуть руль, и едешь дальше... но чувство тревоги остается.

Игорь Савельев

PARTICLE/ ZERRE

COMPETITION

DIR. ERDEM TEPEGOZ

Curiously, such things are more often found in Scandinavian social drama rather than in Turkish cinema.

This is the favorite setting of Northern Europeans: gloomy streets with gloomy people, some accident which leaves the main character unemployed thus putting him outside "respectable society" and it seems like the fall will never end. One misfortune follows another and no one is willing to help; as it turns out, dog eat dog... Evidently in Europe the life of ordinary people is more comfortable than in Turkey, and in many ways it is more secure. But judging by the films, things are brighter and livelier in the East: everyone is sympathetic and talkative, ready to help and offer tea in small tea cups.

They offer tea to Zeinap, a young single mother who lives somewhere in the slums in Istanbul with her mother and daughter. Except for the most general words of sympathy no one can (or is prepared to) help the woman

who has lost her job. She was literally sacked, driven away even with a touch of stagnation, which makes the first shots slightly misleading, there will be nothing carnival-like in the rest of the movie. We will see gloomy Istanbul with overcrowded busses, backstreets, joints where Zeinap looks in search of any kind of work. Selling tufts of lavender in front of the mosque brings her only one lira in the course of the entire film, while her friends and relatives... They are hospitable and caring. Her best friend offers her tea on a regular basis, but requests to help her find a job somehow slip by, seem to bring almost imperceptible smiles to their faces and a slightest touch of dismay. The stern European capitalism has digested the traditional Eastern society.

Well, Ramsy, Zeinap's brother, being the only man in the family, tries to do something and to help in some way, but he does it clumsily and foolishly.

For almost ten minutes we watch his attempts at fixing the front door which finally lead to nothing. On the whole the girl is not left alone and long family dinners provide brief respites from the merciless laws of on-screen Istanbul. But sometimes these dinners have a touch of coldness about them – TV. Everyone is glued to the TV set all the time, they keep munching and dumbly staring at it. They endlessly drag the TV from one room to another. Gyluchin, Zeinap's young daughter is especially appealing. The one for whose sake the woman is ready to make any sacrifices and live at some far away factory in the almost concentration camp-like conditions... The daughter is an inanimate object. She does not say a word. She is connected with her eyes straight to the TV screen, totally unresponsive to her mother's caresses (although she remains impassive in those rare moments when she is taken

away from the screen to the bathroom). When the TV is moved, the girl is transported together with it...

Among other things Erdem Tepegöz's movie is noteworthy for these small striking details: the zombie-like child, the zombie-like friend with her invariable studied smile, because she is always drinking tea and working in her stall simultaneously... There is the unfinished subplot related to blood – some people need Zeinap as a donor. When she is too nervous, her nose starts bleeding, and when she is not the viewer will notice how carefully she checks her nose... These exquisite Oriental vignettes embellish the traditional plot where life is like a car on the highway making a sudden dodge and having a brush with death. It seems that catastrophes have been avoided, the steering wheel is steadied and the car drives on... but the uneasy feeling remains.

Igor Savelyev

МАГНИТНЫЕ БУРИ

КОНКУРС ДОЛИНА ПРОЩАНИЙ (SAYONARA KEIKOKU)/ РЕЖ. ТАЦУСИ ООМОРИ

«Она была слишком счастлива и поэтому ушла». Канако, как и почти все персонажи Оомори, не верит в возможность счастья, а когда на горизонте чуть забрезжит лучик надежды, пугается и убегает. Или стреляет, как герой ленты «Трое – это толпа», или насилует и убивает, как персонаж «Шепота богов». Мир фильмов Оомори – мир мрачный, безрадостный, скучный. Его персонажи крайне пассивны до поры до времени, потом вдруг распрямляются, будто скрученные пружины, – но снова замыкаются в себе. Катарсис если и происходит, то ни к чему не ведет. Вокруг ничего не меняется. Или почти ничего. Правда, на сей раз есть исключение – журналист, на которого счастье все-таки обрушивается нежданно-негаданно. Жена с порога бросает через плечо: «Я от тебя не уйду, так что если будет время, приберись тут». Вот так, буднично, по-деловому, – но какой восторг чувствуется во всей позе журналиста, блаженно закинувшего руки за голо-

ву. Другим персонажам фильма такой радости не дано.

В колледже Сюнскэ стал участником группового изнасилования почти помимо своей воли. Канако легко могла оказаться на месте своей подруги, которая ушла с прогулки чуть раньше. Но эта случайность навсегда искоренила его и ее жизнь. Много лет спустя он случайно узнает, что Канако попала в психиатрическую клинику, и только тогда до конца понимает тяжесть своей вины перед ней. Отныне его единственная цель – сделать так, чтобы Сюнскэ страдал как можно больше, и ради этого она тоже готова на все. Ее цель – сделать так, чтобы Сюнскэ страдал как можно больше, и ради этого она тоже готова на все. Вот так и начинается их совместная жизнь. Бесконечная покорность с его стороны и бесконечные попытки с ее стороны причинить ему боль. Они будто разыгрывают спектакль, прекрасно усвоив свои роли. Они живут с собственном мире, по собственным законам, и чужим туда хода нет. Все происходящее вокруг не имеет к ним от-

ношения, не затрагивает их. Это лишь неприятный, суровый, недобрый фон. Недаром сообщение по телевизору о смерти соседского мальчика служит аккомпанементом к занятию сексом, которому Канако и Сюнскэ предаются безо всякого намека на эмоции. Они как два магнитных полюса – не могут существовать друг без друга, но и вместе тоже не могут. В какой-то момент ее рука чуть дольше задерживается на его плече, и вскоре после этого она уходит, потому что «ей стало слишком хорошо». А он, оставшись один, не знает, какую жизнь он бы предпочел: ту, в которой ничего этого не было, или ту, в которой была эта девушка. Так всегда в мире фильмов Оомори – любовь и боль, радость и горечь неразделимы.

Попытки как-то классифицировать «Долину прощаний» вряд ли увенчаются успехом. Поначалу вроде бы криминальная история – ребенок найден мертвым, по подозрению арестована мать. Дальше можно предположить, что речь пойдет о бездушных журналистах, набрасывающихся на очередную жертву. И снова ошибка. Может быть, это картина о честном журналисте, решившем докопаться до истины и расследовать обстоятельства давнего изнасилования? Или ужастик о женщине, вознамерившейся отомстить обидчику самыми изуверскими способами? Скорее это фильм о том, что все оказывается не таким, каким представляется.

Мария Теракопян

ПАРЕНЬ ВСТРЕЧАЕТ ДЕВУШКУ

8 1/2 ФИЛЬМОВ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ МОНТАЖ (FINAL CUT: HÖLGYEIM ÉS URAIM)/ РЕЖ. ДЬЕРДЬ ПАЛФИ

Известный венгерский режиссер Дьердь Палфи назвал свою картину «Окончательный монтаж» «переработанным фильмом» (как бывает переработанная из макулатуры бумага). История рассказывается с помощью коротких фрагментов, нарезок из фильмов, хранящихся в архивах и синеотеках, и представляет собой набор бесшовно и стремительно смонтированных кадров из более чем 450 лент – немых и звуковых, черно-белых и цветных, игровых и анимационных, артхаусных и коммерческих. Кусочки из «Метрополиса» и «Звездных войн», «Джилды» и «Индианы Джонса», «Унесенных ветром» и «Крестного отца», «Окна во двор» и «Огней большого города», «Касабланки» и «Назад в будущее» составляют бесконечный квилз, но в какой-то момент перестаешь отмечать названия и имена, полностью отдаваясь магии кино. Два главных героя меняют лица и тела каждые пять – десять секунд, Рита Хейуорт превращается в Мэрилин Монро, Ава Гарднер в Одри Тоту; Марлон Брандо в Итана Хоука, Чарли Чаплин в Лео Ди Каприо, и фильм становится сконденсированной более чем столетней историей кино, восторженной одой

актерам и актрисам, занявшим свое место в ней. Мужчина и женщина проживают жизнь, начиная с первой встречи, влюбляются, назначают свидание, ложатся в постель; потом следует женитьба, медовый месяц, испытание бытом, разлука, слезы, война, отчаяние, рождение ребенка, примирение: финальный поцелуй. Харизма Марлона Брандо сочетается с мужественностью Кирка Дугласа, интеллект Вуди Аллена с неотразимостью Алена Делона; гламурный блеск Элизабет Тейлор и загадочность Греты Гарбо – с детской прелестью Вирджинии Черилл или Джульетты Мазины, и мы видим идеального мужчину и идеальную женщину.

Вслед за прошлогодней премьерой в Канне надо спешить увидеть эту уникальную ленту, потому что из-за возникших осложнений с авторскими правами она вряд ли попадет в прокат. Говорят, Джеймс Кэмерон, чей блокбастер «Аватар» удостоился чести открывать этот фильм, сказал, что, несмотря на \$2,7 миллиарда, заработанных его картиной, Палфи следует заплатить за использованные в «Окончательном монтаже» несколько секунд.

Нина Цыркун

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

АТЕЛЬЕ БЕРГМАН И МАНЬЯНИ. ВОЙНА ВУЛКАНОВ (LA GUERRA DEI VULCANI)/ РЕЖ. ФРАНЧЕСКО ПАТЬЕРНО

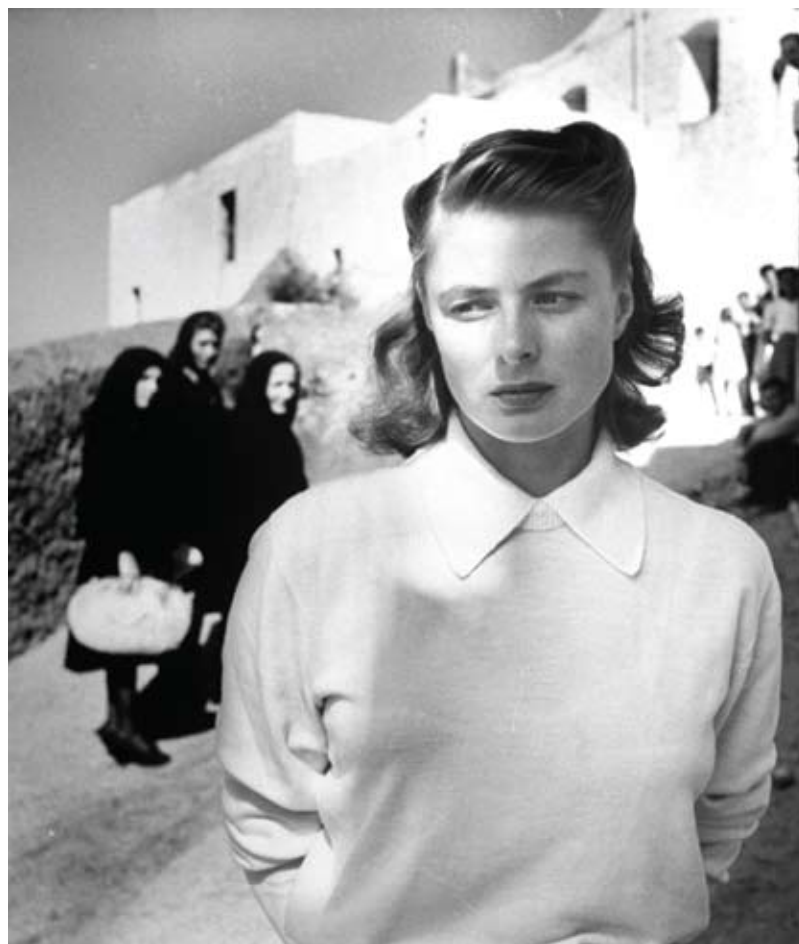
Тайны мастерства, секреты и парадоксы художественного промысла, а еще в большей мере подробности жизни живописцев, писателей, актеров и режиссеров – иними словами, носителей публичных профессий, – не одно уже десятилетие приковывают к себе пристальное внимание читательских и зрительских масс. При этом подавляющее большинство литераторов, кино- и телеобозревателей, заслуживающих называться таковыми, по возможности стремятся соблюсти своего рода «золотую середину» между интимным и общественным, вынесенным на всеобщее обозрение и сокровенным. Что, впрочем, удается далеко не всегда. Гораздо чаще бытие знаменитостей становится достоянием всевозможных апокрифов и попросту мимикрирующих под документальное стереотипных мифов и досужих домыслов.

Одна из таких попыток соблюсти золотую середину (думается, не целиком удавшаяся) – лента Франческо Патьерно, посвященная одной из страниц биографии трех признанных знаменитостей, каждая из которых не без основания претендует на статус культурного символа – национального, а точнее интернационального. Речь идет о почти детективном клубке не столь маритальных, сколь экстрамаритальных обстоятельств, в которые волею судеб оказались вовлечены основоположник итальянского неореализма Роберто Росселлини, прима итальянского театра и кино Анна Маньяни, а также одна из мегазвезд Голливуда в сороковых-пятидесятых Ингрид Бергман. Три

имени, три ярчайшие индивидуальности, три эмблемы мирового кинематографа – в не меньшей мере европейские (последняя родилась и начала свою карьеру в Швеции), нежели американские. Ко всем трем к исходу 1940-х пришла сенсационная популярность.

Принято считать, что в основе классического любовного треугольника, как правило, лежат две женщины и один мужчина. К Маньяни общенациональная известность пришла благодаря образу простолюдинки Пины в фильме «Рим – открытый город»; Росселлини стяжал кинематографические лавры в Европе и затем в США благодаря тому же фильму и последовавшей за ним ленты «Пайза» (1946). Делавшая первые шаги в Голливуде старлетка скандинавского происхождения Бергман, за плечами которой, впрочем, уже были «Насабланка» (1943) и хичкоковская «Дурная слава» (1946), впервые увидев «Рим – открытый город», так прониклась духом антифашистского шедевра Росселлини, что, вопреки поведенческим канонам заокеанской «фабрики звезд», написала письмо с предложением сняться в ленте мало кому известного в Голливуде итальянского режиссера. Обгоревшее в результате случившегося на маленькой римской студии «Миневра-фильм» пожара письмо в итоге все же попало на стол амбициозного и неимущего в ту пору кинемэтра, до того в глаза не видевшего обворожительную шведку...

Впрочем, как повествует Франческо Патьерно, фундамент этой истории был заложен еще глубже:

несколькими годами раньше, когда пребывавший в счастливой любовной связи с Маньяни (и, добавим, состоявший в благополучном браке) Росселлини ненароком набрел на сценарий маленькой итальянской фирмы «Панария-фильм», основанный на реальном событии – землетрясении на одном острове неподалеку от Сицилии. Тяготевший в то время к пантеистической мистике режиссер почувствовал интерес и согласился, и даже заказал несколькими соавторами (в числе которых, заметим, был молодой Феллини) сценарий, оговорив, что главную женскую роль должна сыграть Маньяни. Но его планы радикально изменились, когда Росселлини встретился в США с Бергман и последняя заручилась финансовой поддержкой всемогущего промышленного магната Роберта Хьюза. В итоге, в обстановке строгой секретности (вскоре, однако, все просочилось в прессу), решено было отдать главную роль белокурой голливудской звезде.

Искренне привязанная к всеобильному мэтру Маньяни была в ярости. Не испытывавшие теплоты к Росселлини дельцы «Панария-фильм» – тоже. В итоге пришлось упрашивать другого голливудского «варяга»; им стал выходец из Германии Уильям Дитерле. И газетчики в очередной раз упивались деталями скандального мезальянса (заметим, что Бергман в то время уже состояла в законном браке и воспитывала маленькую дочь) и спорами о том, кто из

них экранизирует злополучный сценарий первым: Дитерле с фильмом «Вулкан» и Анной Маньяни или дуэт Росселлини-Бергман, снявший прозванную мистико-пантеистическим экстазом ленту «Стромболи – земля Божья».

Проворнее оказался Дитерле, чья картина, впрочем, не нискала восторженных аплодисментов аудитории. Существеннее был другой – внеэкранный результат. В день премьеры «Вулкана» пришло объявление о том, что у Бергман и Росселлини родился внебрачный ребенок, тоже нареченный Роберто. В творческом союзе с итальянским режиссером Бергман выступит еще не один раз, в частности в фильмах «Европа 51» (1952) и «Путешествие в Италию» (1954).

«Гора родила мышь», – иронизировали злоречивые газетные обозреватели, комментируя прохладный прием местной киноаудитории, выпавший на долю обеих лент, главным событием в которых явилось извержение местного вулкана.

Не разделяя столь категоричного вывода применительно к фильму Франческо Патьерно, уместно добавить, что личным коллизиям в треугольнике Маньяни – Росселлини – Бергман авторы картины, почти наполовину состоящей из фрагментов знаменитых лент, уделили все же меньше внимания, нежели собственно творческой стихии, явившейся неиссякаемым источником вдохновения и главных свершений всех трех реальных героев.

Николай Пальцев

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

ГАЛА-ПРЕМЬЕРА ЭТО НЕ Я (AIT ES CHEM) / РЕЖ. МАРИЯ СААКЯН

– После премьеры вашего фильма на Московском фестивале зрители, которые выходили из зала, восхищались красотой картины, и я даже слышала от некоторых зрительниц, что фильм получился «стильным»...

Мария Саакян: Да? Разве стильный? Да вы что. Он снимался, кстати, давно, еще в 2010 году... И мы не стремились ни к какой «стильности», модности, и на экране та одежда, которую мы нашли в бабушкином гардеробе: я искала актрисы... А насчет цветов – мы даже шутили с художником, что взяли за образец «Книгу о вкусной и здоровой пище». Вы же помните, какие там были картинки. Вот и у нас в таком примерно стиле. Вроде и приглушенные, но...

– Главную роль в «Это не я» отдали, наверное, даже не персонажу, а Судьбе. Вы фаталист?

– Трудно сказать. Мне кажется, что в смысле образа мышления я немного как древний грек, потому что рассматриваю все, что со мной происходит, и с другими происходит, как борьбу человека с его жизненным путем, или с тем, что можно назвать роком. Мы постоянно находимся в этой борьбе, на мой взгляд.

– Есть легенда, что мужчинам-актерам тяжело работать под руководством женщин-режиссеров. У Евгения Цыганова не было такой проблемы?

– Нет, ну создатели фильма – это же не только один режиссер. У нас в съемочной группе было немало мужчин, поэтому Жене вряд ли было тяжело работать. Я слышала от него, что ему даже интересно работать с женщинами-режиссерами, тем более мы с ним делали еще один фильм... Ему могло быть тяжело только в том

смысле, что я довольно сложный режиссер, я не говорю: «Вот, сделай так и так». Я говорю: «Ну, знаешь, там...» Пытаюсь что-то ему такое свое, внутреннее промычать, а он уже из этого мычания ловит, что ему нужно сделать. И в этом смысле я его безумно ценю как актера и хочу с ним работать всегда. Как только у меня появляется идея фильма, то в первую очередь я вижу его.

– Ваш фильм получился очень цельным в плане сюжетной линии. Как удалось этого добиться?

– Там была такая последовательность... Сначала было значительно больше деталей. Были другие сюжетные линии: жизнь в школе, жизнь соседей... Было как бы больше быта,

который в итоге начал мешать вот именно такой прозрачности фильма. И я все это без сожаления вырезала. А так – снято и написано было значительно больше.

– Ваша работа получила Национальную кинопремию Армении как лучший игровой фильм. Вы ожидали такого успеха в Ереване?

– Не только «Лучший фильм», но и приз за лучшую операторскую работу... Мы были крайне удивлены, потому что до этого, наверное, лет двадцать там была такая традиционная система, что вот есть уже признанные авторы, которые из года в год все более и более признаются. А тут – внезапно совершенно... Я не ожидала, хотя мы там были выдвинуты по восьми

номинациям, и я была на церемонии. Ну хорошо, думаю, получим мы, наверное, «лучшего художника». Может быть – «лучшего оператора», хотя наш оператор Мкртыч Малхасян был номинирован еще и с другим фильмом... И в итоге, когда через два часа церемонии сказали, что лучший фильм года – наш, я просто была потрясена... Но это симптоматично. Это говорит о том, что я не одна, а есть целая волна новых людей. Есть те, кто был до нас, есть те, кто идет следом, и эта некая щелочка наконец-то приоткрылась, и, будем надеяться, новая волна армянского кино будет набирать силу.

– Ваш фильм смонтирован довольно оригинально...

– А я стараюсь в своей работе придерживаться системы дистанционного монтажа. Притом мне очень сложно работать с дорогими режиссерами монтажа, и я монтирую обычно сама. Может быть, не все этот фильм поймут. Но, может быть, работа над окончательным вариантом еще продолжится. Я надеюсь, что у этого фильма есть будущее. Когда-то, лет семь назад, мой фильм «Маяк» пошел в пяти копиях. «Энтропия» – уже в тридцати, а у «Это не я», надеюсь, будет светлое будущее.

– Почему фильм так назван?

– Название далось тяжело. Как раз самое сложное было – его назвать, и первое название, которое пришло в голову, было на английском. Потому что на английском был первый синопсис. Дальше я долго не могла найти эквивалент на русском, потому что «Я собираюсь изменить свое имя» – это мура какая-то. «Мне будет четырнадцать» – это не то... Был просто рабочий вариант – «Алаверди», по городу, в котором разворачивается действие. Дальше уже придумали коллективно: «Это не я». По-армянски выглядит как иероглиф, ничего не понятно. Зато красиво.

Интервью вел
Елизавета Симбирская

ОХОТА НА БАБОЧЕК

ВОКРУГ СВЕТА БАБОЧКИ (PILLANGÓK)/ РЕЖ. ГАБОР ФОРГАЧ

Когда-то Достоевский случайно увидел заметку в газете, в которой говорилось о том, что один студент убил другого с целью укрепления собственного авторитета в революционном кружке. Великий писатель начал «раскручивать» этот сюжет, точнее, слабый зачаток сюжета. Итогом стал роман «Бесы». Венгерский режиссер и продюсер Габор Форгач случайно увидел заметку о том, как в небольшой деревушке взрывом бытового газа разрушило дом и убило женщину. Через несколько дней после этого мальчик, сын той женщины, покончил с собой. Это стало толчком к созданию берущей за душу истории, разворачивающейся на фоне сочных венгерских пейзажей. Марко, заводной и непоседливый мальчишка лет десяти, до которого никому нет дела. Кроме, разве что, пожилого дядюшки Жирмундо, который учит ребенка играть на скрипке и открывает ему совершенно другой мир. Остальные же... Мама почти не замечает сына вообще (и только на смертном одре, после злосчастного взрыва, который переключал в фильм из газетной хроники, в забытый шепчет: «Марко!»). Все внимание – в том числе и зрительское – перетягивает на себя неунывающий авантюрист Лаци, чем-то похожий на цыгана: шляпа, смоляные кудри, громкий голос, вечное шумное веселье.

Сам не понимая, что искорежил жизнь и женщине, и ее маленькому сыну, этот человек носится, как заведенный, то по деревне, то по больнице, без особых раскаяний называя страдальицу «своим цветочком» («Цветочек, я же сказал это ради шутки!») – слова, обращенные к жертве неудавшегося поначалу суицида, и при этом заигрывая со всем, что движется и имеет ярко выраженные признаки женского пола.

Тотальное равнодушие, царящее на экране, как-то плохо вяжется с яркостью и витальностью картинки,

и столь же трудно сочетать, «выбирать» собственные эмоции: плакать ли над судьбой мальчишки – или улыбаться шуткам и общей веселой непутевости его временного отчима. Было заметно, что фильм растрогал зрителей (точнее, зрительниц, потому что высказывались только женщины). На Q&A, состоявшемся после показа, они наперебой говорили: «Мощное впечатление», «Спасибо за эмоции», «Я потрясена, мощно, слов не нахожу». Спрашивали, как родился этот сюжет. Тут-то Габор Форгач и поведал про заметку в газете, и про обстоятельства, в которых он ее прочел.

– Ко мне на студию пришла незнакомая молодая женщина (Моника Мадьяри). Она сказала, что у нее была тяжелая судьба и она хотела бы рас-

сказать об этом, написав сценарий. Я удивился: необычная просьба... Передо мной лежала газета, и я предположил Монике оттолкнуться от того, что там написано.

«Отталкиваться» Габору Форгачу, впрочем, пришлось еще и от собственной семейной драмы: буквально два года назад он узнал, что у него есть еще шестеро родных братьев и сестер. Все они, включая самого режиссера, воспитывались в разных детских домах и ничего не знали друг о друге. «Теперь у меня большая семья», – улыбнулся создатель фильма, добавив, что это заставило его задуматься о том, что общество слишком равнодушно к детям.

– Я плакала, когда читала сценарий, – рассказала Кити Кери, сыгравшая мать Марко. – Я просила режиссера, чтобы в фильме он убил меня, но оставил в живых ребенка.

– Мне не хотелось его убивать, но жизнь жестокая вещь, – ответил на это Габор Форгач.

В силу обстоятельств актриса впервые увидела фильм здесь и сейчас – на Московском фестивале. Поэтому ее спрашивали о впечатлениях и эмоциях.

– Я сейчас испытала желание обнять Никола (Никола Шипек – мальчик, сыгравший Марко). Но он стал таким высоким, что, боюсь, я бы не дотянулась...

Словом, общение зрителей со съемочной группой в тот вечер было душевным и простым.

По-семейному.

Игорь Савельев

СИБИРСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

КОНКУРС ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО ПРИГОВОРЕННЫЕ (THE CONDEMNED)/

РЕЖ. НИК РИД

Место действия – колония строгого режима № 56. Как сообщают начальные титры: в самом сердце России, в лесу, превосходящем по площади Германию, в местах, где зимой температура опускается до минус 40 градусов по Цельсию. Здесь отбывают наказание самые опасные преступники России. Размер срока – от 25 лет до пожизненного. Всего на 260 заключенных – больше восьмисот погубленных жизней. Это если не считать грабежи и изнасилования. Есть такие, что попали сюда после отмены смертной казни в 1997 году. К слову, тот указ Ельцина пережили не все. Как рассказывает главный старожил, из своих 62 лет 40 отбывший за решеткой, один из заключенных, узнав о моратории на расстрелы, повесился на ляжке от трусов в тот же день. Еще один через три дня вскрыл вены. Третий сам себе проколол сердце. «Как я не сошел с ума здесь за столько лет? – говорит все тот же осужденный, который теперь в колонии главный смотрящий среди эзков. – А кто сказал, что я не сумасшедший?» Одиночные камеры в пять квадратных метров. Скромная пища. Часовые прогулки раз в сутки – единственное время, когда заключенный находится вне камеры. Свидания с родственниками: для особо тяжких преступников раз в год на четыре часа (прикасаются друг к другу нельзя, разговор только через стекло), для тех, у кого срок меньше – раз в три месяца, плюс возможность провести целую ночь вместе в изолированной комнате. Весь

небогатый быт колонии показан не торопясь, без нажима. В художественных преувеличениях нет нужды, когда реальность страшнее и изобретательнее любого вымысла.

Пробравшись и в одиночные камеры, и в общие, и в комнату для свиданий, и впритык к колючей проволоке, за которой осталась мифическая свобода, режиссер воссоздает иерархию тюремных отношений с той же отстраненностью, с какой его герои описывают собственные преступления. Ведя свой рассказ тем же спокойным беззлобным тоном, каким начальник колонии, прослуживший здесь 26 лет – больше, чем максимальный тюремный срок, – говорит, что не жалеет ни одного из своих заключенных. Но в этой отстраненности и заключается австрийский взгляд. Давая по очереди высказаться убийцам, тем, кто их охраняет, и родственникам преступников, режиссер рисует портрет пугающе гармоничного мира. Редко кто из заключенных жалеет о том, что совершил, – скорее о том, что случайно убил невиновного или послушался мать, которая наказала в тот день не пить. Редко кто из них думает, выйдет ли он на свободу. И уж точно никто не знает, что ему на этой свободе делать – после стольких лет.

Единую мораль заменяет монтаж – тщательный выбор героев, чья сбивчивая русская речь выглядит гладкой и точной в английских субтитрах. Но и без помощи переводчика герои фильма щедро сыпят афоризмами: «90-е в России – это Чикаго 30-х».

«Человека убить не сложно – сложно жить с этим». «По мне, – так им только смертная казнь», – это в словах начальника колонии. «Проще было бы, если бы был расстрел», – это в одиночной камере бывшего наемного убийцы. «Здесь никто не раскаивается и не исправляется. Раскаиваться будем перед Богом – на том свете», – из уст самого старого эзка вместо финальных титров.

Никита Карцев

FINAL CUT – LADIES & GENTLEMEN/ FINAL CUT: HÖLGYEIM ÉS URAIM

3 1/2 FILMS

DIR. GYORGY PALFI

A noted Hungarian filmmaker Gyorgy Palfi labels his work "Final Cut - Ladies & Gentleman" as "recycled film". The story is told basing on bits and pieces borrowed from cinema achievements and cinematheques, seamlessly and blisteringly composed as the mélange of actors/actresses/scenes from more than 450 pictures – silent and sound, feature and cartoon, black/white and coloured, arthouse and mainstream. Clips from Metropolis and "Star Wars", "Gilda" and "Indiana Jones", "Gone with the Wind" and "The Godfather", "Rear Window" and "City Lights", "Casablanca" and "Back to the Future" make up a never-ending movie quiz, and at a certain moment one forgets to make guesses about titles and names, fully indulging in the magic of romance. The two main characters change their face and body in every five or ten 10 seconds, turning from Rita Hayworth into Marilyn Monroe, from Ava Gardner into Audrey Tautou, from Marlon Brando into Ethan Hawke, Charlie Chaplin into Leo Di Caprio, making the film the embodiment of more than 100 years of cinema magic, arhapsodic ode to the actors and actresses who have marked and continue to mark the history of cinema. A man and a woman live a whole life story, beginning with the first encounter, falling in love, dating, having sex; the come, marriage, honeymoon, testing through household, parting, tears, war, desperation, birth of a child and reconciliation: the two kiss over the finale. Charism of Marlon Brando and masculinity of Kirk Douglas harmonize with sincerity of Chaplin, intellect of Woody Allen with irresistibility of Alain Delon; Elizabeth Taylor's glamour and mystique of Greta Garbo – with childish loveliness of Virginia Cherril or Giulietta Massina, and we see an ideal man and an ideal woman.

Following its premiere in Cannes, this is a unique opportunity to watch an innovative film, because due to rights problems it may never be released in cinema theatres. They say, James Cameron, whose blockbuster "Avatar" got the honour to open the film, remarked, that in spite his movie made 2.7 billion dollars, Palfi has to pay for a couple of seconds, borrowed from it.

Nina Tsyrukun

THE RAVINE OF GOODBYE/ SAYONARA KEIKOKU

COMPETITION

DIR. TATSUSHI OMORI

"She felt too happy and so she left". Like almost all Ohmori's characters Kanako does not believe in happiness and runs away when a ray of hope shines on the horizon. Others might fire a gun like the character in "A Crowd of Three" of rape and kill like those in "Whisper of the Gods". The world in Ohmori's movies is bleak, dull, poor. His characters are inert up to a certain moment, then suddenly they react sharply and quickly get back into their shells. If the catharsis happens, it does not change anything. Everything remains the same, or almost the same. This time, though, there is an exception – the journalist who quite unexpectedly is blessed with happiness. Going out, his wife says to him over the shoulder: "I am

not leaving you, so if you have time, tidy the place". Just like this, simple and businesslike, but what elation exudes the posture of the journalist, who sits on the sofa with his hands behind his head. Other characters are not destined to experience such joy.

At college Shunsuke almost involuntarily took part in a group rape. Kanako could have easily taken the place of her friend who left early. But what happened almost accidentally ruined his and her life. Many years later he learns that Kanako is undergoing treatment at a psychiatric hospital. Only then does he fully understand his guilt. From now on his only aim in life is to make her as happy as possible and to achieve this goal he is prepared to do anything. Her aim is to make Shunsuke suffer as much as possible and to achieve this goal she is also prepared to do anything. That is how their life together starts. Infinite humility on his part and endless attempts to hurt him on her part. They seem to be performing a play, having learnt their parts perfectly. They live in their own world according to their own rules and no strangers are allowed in there. Everything that goes on around them does not concern them. It is merely an unpleasant, evil, harsh background. Thus a TV announcement about the death of the child who lived next door is merely an accompaniment to love-making which evidently brings no joy to Kanako and Shunsuke. They are like two magnetic poles: they can't exist separately and they can't exist together. Once her hand rest on his shoulder a fraction longer and soon after that she leaves, because "she feels too happy". Left alone, he does not know what life he would prefer: the one where none of it happened or the one where he met this girl. This is the usual situation in Ohmori's movies – love and pain, joy and bitterness go together.

Attempts to classify "The Ravine of Good-bye" will probably fail. It starts as a criminal story: a child is found dead, his mother is arrested on suspicions of murder. Then it seems to turn into a story about heartless paparazzi hounding another victim. Another mistake. Maybe it is a movie about an honest journalist who wants to investigate an old rape case and restore justice? Or a horror movie about a woman set on taking revenge on her offender? Rather it is a movie where everything is not the way it seems at first sight.

Maria Terakopian

BERGMAN & MAGNANI: THE WAR OF VOLCANOES/ LA GUERRA DEI VULCANI

ATELIER DIR. FRANCESCO PATIERNO

Intimate mechanisms of art-making, secrets and paradoxes of the artists' existence and, to a greater degree, details of private lives of painters, writers, actors and directors – in general, celebrities – from decade to decade attract intriguing interest of mass audience. Needless to say, the greater majority of art critics and other men of letters usually try to find a so-called "golden middle", in other words, to define the borders of art and public market, the border of artistic creation and show- and art-business. The truth is, intimate lives of celebrities more than often prevails over artistry as such.

One of the interesting – though not in every way successful – attempts of the kind is a biographical documentary by Francesco Patierno, dedicated to the significant episode in the end of 1940s. Three of its main characters are Anna Magnani, Roberto Rossellini and Ingrid Bergman: two actresses and one film director, at the moment one of the founders of the Italian neorealist movement, – in short, the three

megastars, the three emblems of European and, to a certain extent, American culture.

As in classic detective story, the traditional love triangle – of more extramarital than marital origin – contains two women and one man. In this case, the national (and later international) fame to Italian actress Anna Magnani who played Pina, the working class woman, who, in the finale of Roberto Rossellini's film "Roma città aperta" (1945), is being accidentally killed in the turmoil under German occupation. The film, as well as "Paisa" (1946), brought actress and director the widest reputation with mass audience and European critical circle. Then, some years later, Ingrid Bergman, an oncoming Hollywood star of Swedish origin, greatly impressed by Rossellini's film, sent a letter offering him to play in Italy in any of the director's future project. They met in New York and came to business agreement with help of American multi-millionaire Howard Hughes who was going to produce the new project entitled "Stromboli" (named after the small island in the Mediterranean recently flown to dust due to volcanic explosion).

The explosion was a realistic ground on which the social and psychological fabula was built. But the story itself, it appeared, had a preceding prequel which was going to bring a rather dramatic consequences for both. First, Rossellini, now happily in love with Bergman, was a deeply married man previously engaged with Magnani. More so, before the agreement in the USA he had a contract with a small Italian studio "Panaria Film" which was proposing to shoot a film with a similar story where Magnani was gladly offered the main role. On the second hand, Bergman was also married to a prosperous Swedish dentist and had a three-old daughter. The conflict of interest reiterated into emotional one with clearly extramarital overtones.

Two sorts of competition succeeded when "Panaria Film" contracted a young Hollywood director William Dieterle to make a film entitled "Volcano" with Magnani participating in one of the roles. The natives of Stromboli looking at Bergman distastefully, the competing group was working eagerly but Rossellini was late and penniless: Howard Hughes' financing was coming to an end. Ingrid Bergman, on her part, felt doubly anxious since her husband promptly refused to give a divorce and her Hollywood perspectives were going to ruin. Her anxiety became to a climax when she realised that she was pregnant.

The tension ended abruptly when at the first night of Dieterle's "Volcano" (which got a lukewarm response with public) the notice of Bergman's birth was announced. Rossellini was at the height was of happiness; Magnani never married anybody; as to Ingrid, she will meet her director and future husband Roberto while playing in his "Europa 51" (1952) and "Journey to Italy" (1954).

"The volcano has belched a tiny mouse", – a newspaper reported avidly commented.

He was wrong; in any case the three protagonists deserved a greater homage.

Nikolay Paltsev

I'M GOING TO CHANGE MY NAME/ AIT ES CHEM

GALA SCREENINGS

DIR. MARIA SAHAKYAN

– After the premiere of your movie at the MIFF people who were leaving the hall admired the beauty of your movie. I even heard some ladies say that the movie was "stylish"...

Maria Sahakyan: Oh? Is it really stylish? You must be joking. It was shot back in 2010 and we were not after “stylishness” or fashion. The clothes that you see on the screen are those we found in grandmother’s wardrobe. I was searching, the actresses were searching... As for the colors, we even joked with the production designer that we took as an example a well-known cookbook. You must remember the illustrations it had. We did it roughly in the same vein. The colors seem muted but...

– **The main part is played not so much by a character as by Fate. Are you a fatalist?**

– Hard to say. It seems that as far as my way of thinking is concerned, I am a bit like ancient Greeks, because I see everything that is happening to me and to others as a struggle of man with his life, with what might be called destiny. To my mind, we are always involved in this struggle.

– **There is a belief that male actors find it hard to be directed by a woman. Did Yevgeny Tsiganov have such a problem?**

– No. The film is not made by the director alone. We had many men in our crew, so I don’t think it was hard for Zhenia to work with us. I heard him say that it is even interesting for him to work with women directors, all the more so because we had made another movie together... It might have been hard for him only in the sense that I am a rather difficult director. I don’t say “Do it this way” I say “Well, you know...” I try to mumble something about my inner thoughts and leave it for him to decide what to do. I have a lot of respect for him as an actor and would always like to work with him. As soon as I get an idea about a movie, I visualize him.

– **Your film is one uninterrupted storyline. How did you manage to achieve it?**

– I went through the following stages... First there were many more details, there were other plotlines – life at school, the life of the neighbors... There was as it were more of the routine which in the long run started to interfere with this transparency of the film. And I cut it all out without pity. But much more had been scripted and shot.

– **You work received the National Award of Armenia as the best feature film. Did you expect such a success in Yerevan?**

– Not only the best movie, but also the prize to the best cameraman... We were very much surprised because for the past twenty years there existed this system that there were certain acknowledged authors who got more and more acclaim every year. But this was very sudden. I was immensely surprised, although we participated in eight nominations and I was present at the ceremony. I expected we would get the best art director award. Or perhaps the best cameraman, though our director of photography Mkrtch Makhasyan was nominated for one more movie... So when after two hours of the ceremony they announced that the best movie of the year was ours, I was astonished. But it is symptomatic. It indicates that I am not alone, that there is a whole wave of new people. There are those, who came before us, there are those who are following us and this slight opening has finally appeared and I hope the new wave of Armenian cinema will be gaining force.

– **Your film is cut in a rather unconventional way...**

– I try to follow the system of distance cutting. I can’t afford to work with expensive editors and usually I edit myself. This film will probably not be understood by everybody. And perhaps the work on the final cut will continue. I hope this film has a future. Some seven years ago “Lighthouse” was released in 5 copies, but “Entropy” was released already in 30 copies. And I hope “I am going to change my name” will have a bright future.

– **Why such a title?**

– We had a hard time choosing the title. The most difficult thing was to give it a title. The first one that occurred to me was in English. Because the first draft was in English. For a long time I could not find Russian equivalent, because the literal translation sounded idiotic. “I’ll be fourteen...” sounds wrong. There was a working

title “Alaverdi” which is the name of the town where the action is set. And then all together we came up with the present title. In Armenian it looks like a hieroglyph, incomprehensible but beautiful.

Interviewed by Elizaveta Simbirskaya

BUTTERFLIES/ PILLANGÓK FILMS AROUND THE WORLD DIR. GABOR FORGACS

Once Dostoevsky read a report in a newspaper informing that a student killed his fellow student to improve his standing in a revolutionary circle. The great writer started developing this plot, or rather the bone structure of a plot. The result was the novel “Demons”. The Hungarian director Gabor Forgacs saw a notice in a newspaper which read that in a village a gas explosion destroyed the house and killed a woman. A few days later the boy, the son of that woman, took his own life. It was the starting point of the heart-rending story unfolding against the background of luscious Hungarian landscapes. Mark is a very energetic and restless boy of about ten who is mostly left to his own devices. Except for the elderly Uncle Zsigmond who teaches the boy to play the violin and opens a new world to him. All the rest... Mother hardly ever notices her son (only delirious on her deathbed after the ill-fated gas explosion which made its way into the movie from the newspaper article, she whispers “Mark!”). The attention is focused on the cheerful adventurer Laszlo who looks somewhat like a Gypsy: a hat, jet-black curls, a loud voice, eternal boisterous merriment. Unaware of having ruined the lives of the woman and her little son, he rushes about the village and the hospital, easily calling the poor woman “my sweet” (“My sweet, I meant it as a joke!” these words are addressed to the victim of the initially unsuccessful suicide attempt) and at the same time he flirts with everything that moves and has visible signs of female gender.

Total indifference prevalent on the screen poorly corresponds to the brightness and vitality of the image. It is as hard to combine or select your own emotions: to lament the boy’s destiny or to smile at the jokes of his generally good-for-nothing temporary foster father. One could see that the film moved the audience (or the female part of it, because only women spoke out). At the Q&A following the screening they spoke again and again about the “powerful impression”, expressed gratitude “Thank you for the emotions”, “I am stunned, superb, I can’t find the words”. They asked how the idea was born. This is when Gabor Forgacs told us about the newspaper article and the situation he read it in.

“An unknown woman (Mónika Magyari) approached me at the studio. She said she had a hard life and would like to speak about it and write a script. I was surprised, it was an unusual request... There was a newspaper on the table and I suggested that Mónika should use it as a starting point”.

Another starting point for Gabor Forgacs was his own family drama. A mere two years earlier he learnt that he had six blood brothers and sisters. All of them including the director grew up in different orphanages and knew nothing about each other. “Now I have a big family” smiled the filmmaker and added that this situation made him think that society was too indifferent to children.

“I sobbed when I read the script, says Kitty Keri, who played Mark’s mother. I begged the director that he should kill me but let the child live”.

“I did not want to kill him, but life is cruel” responded Gabor Forgacs.

For a number of reasons the actress saw the film for the first time here, at the MIFF. So everybody questioned her about her impressions and emotions.

“Now I again felt the urge to hug Nicolas (Nicolas Sipek, the boy who played Mark) But he has grown so tall, I am afraid I won’t reach him”.

In short the communication of the audience and the film crew was open-hearted and simple.

A family affair.

Igor Saveliev

THE CONDEMNED DOCUMENTARY COMPETITION DIR. NICK READ

The setting is maximum-security penitentiary # 56. As the titles in the beginning inform, this is a place at the heart of Russia, concealed in the woods occupying the territory of which is greater than that of Germany, where the temperature in winter drops to minus 40 Celsius. This is where the most dangerous criminals of Russia serve their sentences. Their terms range from 25 years to life imprisonment. The 260 inmates killed more than 800 men. That is not counting robberies and rapes. Some of them got here after the abolition of death penalty in 1997. By the way not all survived that law passed by Eltsyn. As the most seasoned inmate, who has spent 40 out of his 62 years behind bars, recalls, upon learning about the presidential pardon, one of the prisoners hung himself from the pants strap the very same day. Another one cut his veins three days later. A third one pierced his own heart. “How did I manage to keep sane here for so many years, – wonders the same prisoner who is now senior among inmates. – But who says I am not crazy?” One-man cells five square meters large. Modest food. One-hour walks once a day. This is the only time when the prisoner is allowed out of his cell. Visits by the relative for those serving sentences for especially grave felony are permitted once a year for four hours (no touching, conversation through the glass pane); for those with lighter sentences – once every three months plus a chance to spend the whole night together in an isolated room. The entire sparse life of the colony is shown in a measured tempo without unnecessary accentuation. There is no need for artistic exaggeration when reality itself is more frightening and inventive than any fiction.

The director made his way into one-man and mass cells, into the room for visits and close to the barbed-wire fences shutting off the mythical freedom. He recreates the hierarchy of prison relations with the same detachment with which his characters speak about their crimes. He delivers his narration in the same calm serene voice as the chief of the penitentiary: He has served here for 26 years – longer, than the maximum prison sentence – and says that he does not pity a single one of his prisoners. But this detachment represents the author’s standpoint. He lets everyone speak in turn – murderers, those who guard them and the relatives of the criminals – he draws a portrait of a frighteningly harmonious world. Few of the inmates regret what they did. They would sooner regret having accidentally killed an innocent person or having disobeyed their mother who told them not to drink that day. Few of them consider the possibility of getting out. And none of them know what to do there in the free world after so many years.

A single message is replaced by a number of cuts. Painstakingly selected characters, whose incoherent blabber looks smooth and precise in English subtitles. But even without the aid of a translator the characters spill out lots of aphorisms: “Russia of the 90s is Chicago of the 30s”, “It is easy to kill a man, it is harder to live with it”. “Only death penalty for me” – the words of the chief of the penitentiary. “It would be better if execution was by firing squad” – in the one-man cell of a former hit-man. “Here nobody repents and nobody is reformed. We will repent before God in a better world.” – the oldest inmate in place of the closing title.

Nikita Kartsev

1. Евгений Цыганов 2. Валерия Гай-Германика
3. Александр Митта 4. Жале Арикан
5. Съёмочная группа фильма «Это не я».
Третья слева в заднем ряду – Мария Саакян
6. Алексей Андрианов 7. Эрдем Тепегез
8. Даниил Дондурей (слева) и Виталий Манский (справа)

28 ИЮНЯ / JUNE, 28

12:00	ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ МЫ РАССКАЗЫВАЕМ / <i>Stories we tell</i>	ОКтябрь, 5	118
13:30	МАЛЫШ ПО ПРОЗВИЩУ «ЭЙЧ» / <i>A Boy Called H</i>	ОКтябрь, 8	122
14:00	СКОЛЬЖЕНИЕ / <i>Slide</i>	ОКтябрь, 2	117
13:30	ДЫМНЫЕ ГОРЫ / <i>Cloudy Mountains</i>	ОКтябрь, 5	85
14:30	ПО ЭТУ СТОРОНУ ВОСКРЕСЕНИЯ / <i>This Side Of Resurrection</i>	ОКтябрь, 6	78
14:30	ОСАДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ / <i>State of Siege</i>	ИЛЛЮЗИОН	120
14:30	ДИКАРЬ / <i>Call Me Savage</i>	ОКтябрь, 7	107
16:00	Я – ТАНЦОР / <i>I Am A Dancer</i>	ОКтябрь, 8	88
16:00	ТЕМНАЯ МАТЕРИЯ ЛЮБВИ / <i>The Dark Matter of Love</i>	ЦДК	93
16:00	ДОРОЖНЫЙ ПАТРУЛЬ / <i>Traffic Department</i>	ОКтябрь, 4	117
16:00	ГЕНИЙ МЭРИАН / <i>The Genius of Marian</i>	ОКтябрь, 5	84
16:30	ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ ГОСПИТАЛЬ / <i>M.A.S.H.</i>	ОКтябрь, 6	116
16:30	БЕСПРЕДЕЛ / <i>Disorder</i>	ОКтябрь, 9	90
16:30	АКТ УБИЙСТВА / <i>The Act of Killing</i>	ОКтябрь, 2	120
17:00	ОЛИМПИА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ – ПРАЗДНИК КРАСОТЫ / <i>Olympia. Part 2 – Festival of Beauty</i>	ИЛЛЮЗИОН	95
17:00	ЧАСТИЦА / <i>Particle</i>	ОКтябрь, 1	80
17:30	ПОЕЗДА ПОД ПРИСТАЛЬНЫМ НАБЛЮДЕНИЕМ / <i>Closely Watched Trains</i>	ОКтябрь, 7	93
18:00	МАРАФОН / <i>Marathon</i>	ОКтябрь, 5	105
18:00	О СПОРТ! ТЫ - МИР! / <i>Oh Sports, You Are Peace!</i>	ЦДК	120
18:00	СОЛДАТЫ / <i>Soldiers</i>	ОКтябрь, 3	94
18:00	ЗАПАД – ЭТО РАЙ / <i>Eden is West</i>	ОКтябрь, 8	110
18:30	РАЙ: ЛЮБОВЬ / <i>Paradise: Love</i>	ОКтябрь, 9	120
18:30	КРАСНОЕ НАВАЖДЕНИЕ / <i>Red Obsession</i>	ОКтябрь, 4	76
19:00	СЕСТРА / <i>Sister</i>	ОКтябрь, 6	97
19:00	БИТВА ТАБАТО / <i>The Battle of Tabato</i>	ИЛЛЮЗИОН	78
19:00	ПРИГОВОРЕННЫЕ / <i>The Condemned</i>	ОКтябрь, 2	80
19:15	7 ДНЕЙ ГРЕХА / <i>7 days of sin</i>	ОКтябрь, 7	107
19:30	ДОЛИНА ПРОЩАНИЙ / <i>The Ravine of Goodbye</i>	ОКтябрь, 1	117
20:00	ЗАМОК / <i>The Castle</i>	ОКтябрь, 3	120
20:00	ДРАКОНОВЫЕ ДЕВУШКИ / <i>Dragon Girls</i>	ЦДК	90
20:15	МАЛЫШ-ОБОРОТЕНЬ / <i>A Werewolf Boy</i>	ОКтябрь, 4	122
20:15	ЛИССАБОНЦЫ / <i>Lisboetas</i>	ОКтябрь, 5	120
20:30	РАЙ: ВЕРА / <i>Paradise: Faith</i>	ОКтябрь, 9	113
20:30	Я ТОЖЕ ХОЧУ / <i>Me Too</i>	ОКтябрь, 8	89
21:00	ПАРТНЕР / <i>Partner</i>	ИЛЛЮЗИОН	107
21:30	ЛЕСТНИЦА-2. ПОСЛЕДНИЙ ШАНС / <i>The Staircase II - The Last Chance</i>	ОКтябрь, 2	120
22:00	ОХОТНИК НА ФАЗАНОВ / <i>The Pheasant Hunter</i>	ОКтябрь, 6	23
22:00	ОСВОЕНИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ / <i>Exploration of confinement</i>	ОКтябрь, 6	19
22:00	ИДИ И ИГРАЙ / <i>Komm und Spiel</i>	ОКтябрь, 6	30
22:00	ЗАМОК ЭЛЬФОВ / <i>Elven Castle</i>	ОКтябрь, 6	25
22:00	СПАСИТЕЛЬ / <i>Saviour</i>	ОКтябрь, 6	15
22:00	ТОМАС ПЕЧАЛИН / <i>Tom Sadly</i>	ОКтябрь, 6	17
22:00	ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ МАНЕВРА / <i>Open Spaces</i>	ОКтябрь, 6	15
22:00	МАРАФОН / <i>Marathon</i>	ОКтябрь, 1	110
22:00	ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ МОНТАЖ / <i>Final Cut</i>	ОКтябрь, 7	84
22:00	КАТАСТРОФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ / <i>The Crash Reel</i>	ЦДК	109
22:30	3x3D / <i>3x3d</i>	ЛП	70
22:30	МЕЧТАТЕЛИ / <i>The Dreamers</i>	ОКтябрь, 8	116
22:45	ВСЯ ЖИЗНЬ НАСМАРКУ / <i>Gloriously Wasted</i>	ОКтябрь, 4	85
22:45	УБИЙСТВО / <i>Manslaughter</i>	ОКтябрь, 5	87
23:00	РАЙ: НАДЕЖДА / <i>Paradise: Hope</i>	ОКтябрь, 9	91

29 ИЮНЯ / JUNE, 29

12:00	ЧЕРНЫЙ ЛЕС / <i>Black forest</i>	ОКтябрь, 2	100
12:00	ЛЕСТНИЦА-2. ПОСЛЕДНИЙ ШАНС / <i>The Staircase II - The Last Chance</i>	ОКтябрь, 5	120
13:00	13 ДНЕЙ ВО ФРАНЦИИ / <i>Challenge in the Snow</i>	ОКтябрь, 1	115
14:00	БЕЗМОЛВНЫЕ / <i>Silent ones</i>	ОКтябрь, 9	97
14:15	НОВЫЙ МИР / <i>New World</i>	ОКтябрь, 9	134
14:30	ЛИЛЕТ НЕТ И НЕ БЫЛО / <i>Lilet Never Happened</i>	ОКтябрь, 8	105
14:30	АКТ УБИЙСТВА / <i>The Act of Killing</i>	ОКтябрь, 5	120
14:45	УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА / <i>The Morning Star</i>	ОКтябрь, 7	98
15:30	КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ МАТЕРИ / <i>A Cradle for Mother</i>	ОКтябрь, 6	80
15:45	ХАЛЯЛЬНАЯ ЛАВКА / <i>Boucherie halal</i>	ОКтябрь, 4	
16:00	ПРИЗНАНИЕ / <i>The Confession</i>	ИЛЛЮЗИОН	85
16:00	САДОВНИК / <i>The Gardener</i>	ОКтябрь, 9	87
16:00	МАРАФОН / <i>Marathon</i>	ЦДК	105
17:00	ЧУЖИЕ ВОСПОМИНАНИЯ / <i>Memories they told me</i>	ОКтябрь, 7	100
17:00	СРЕДИ НАС / <i>Onder Ons</i>	ОКтябрь, 8	84
17:00	МАЛОЛЕТНИЙ ПРЕСТУПНИК / <i>Juvenile Offender</i>	ОКтябрь, 5	107
17:00	ПРИГОВОРЕННЫЕ / <i>The Condemned</i>	ОКтябрь, 5	80
17:00	ПРОГРАММА КОРОТКОМЕТРАЖНЫХ ФИЛЬМОВ. 1 СЕАНС / <i>SHORT MATTERS. Seance 1</i>	ОКтябрь, 1	117
17:30	Я ЕЩЕ НЕ ЗНАЮ / <i>I Don't Know Yet</i>	ОКтябрь, 6	80
17:45	СТАРИК / <i>Shal</i>	ОКтябрь, 4	102
18:00	ИСЧЕЗНУВШЕЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ / <i>L'image manquante</i>	ОКтябрь, 9	95
18:00	АКТ УБИЙСТВА / <i>The Act of Killing</i>	ЦДК	120
19:00	ПЕРВАЯ ЗИМА / <i>The First Winter</i>	ИЛЛЮЗИОН	72
19:00	КРИК ЛЕТА / <i>Shout of summer</i>	ОКтябрь, 5	75
19:15	ЧАСТИЦА / <i>Particle</i>	ОКтябрь, 8	80
19:30	113 ГРАДУСОВ / <i>113 Degrees</i>	ОКтябрь, 6	20
19:30	ЧИСТКА / <i>Washed</i>	ОКтябрь, 6	13
19:30	МОЕ ЦАРСТВО СТРАХА / <i>Fear My Kingdom</i>	ОКтябрь, 6	25
19:30	КАПСУЛА / <i>The Capsule</i>	ОКтябрь, 6	35
19:30	СПЯЩИЙ / <i>The Sleepy Man</i>	ОКтябрь, 6	25
19:30	ПРОГРАММА КОРОТКОМЕТРАЖНЫХ ФИЛЬМОВ. 2 СЕАНС / <i>SHORT MATTERS. Seance 2</i>	ОКтябрь, 1	118
19:30	ДЕГУСТАЦИОННОЕ МЕНЮ / <i>Tasting menu</i>	ОКтябрь, 2	87
19:30	ЖЮРИ / <i>Juri</i>	ОКтябрь, 6	35
19:30	СИБИРСКОЕ ВОСПИТАНИЕ / <i>Siberian Education</i>	ОКтябрь, 7	103
20:00	СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ /	ОКтябрь, 3	86
20:00	ГЕНИЙ МЭРИАН / <i>The Genius of Marian</i>	ЦДК	84
20:00	7 ДНЕЙ ГРЕХА / <i>7 days of sin</i>	ОКтябрь, 4	107
20:00	УБИЙСТВО / <i>Manslaughter</i>	ОКтябрь, 9	87
21:00	ГЕРОИН / <i>Heroin</i>	ОКтябрь, 5	87
21:00	ДОЛИНА ПРОЩАНИЙ / <i>The Ravine of Goodbye</i>	ОКтябрь, 8	117
21:00	ЛЮБОВЬ И ЯРОСТЬ: АГОНИЯ / <i>Love and Anger: Agonia</i>	ИЛЛЮЗИОН	25
21:00	КОСТЛЯВАЯ КУМА / <i>The Grim Reaper</i>	ИЛЛЮЗИОН	87
21:15	ЗАМОК / <i>The Castle</i>	ОКтябрь, 7	120
21:30	ПРИНЦЕССА САКУРА: ЗАПРЕТНЫЕ НАСЛАЖДЕНИЯ / <i>Princess Sakura: Forbidden Pleasures</i>	ОКтябрь, 2	96
22:00	ЖИРОТРАС / <i>Fat Shaker</i>	ОКтябрь, 9	85
22:00	ПРИГОВОРЕННЫЕ / <i>The Condemned</i>	ЦДК	80
22:30	ЭТО ЗОВЕТСЯ ЛЕТОМ / <i>AND THEY CALL IT SUMMER</i>	ОКтябрь, 4	89
22:30	ВСЯ ЖИЗНЬ НАСМАРКУ / <i>Gloriously Wasted</i>	ОКтябрь, 6	85
22:30	ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО В ПАРИЖЕ / <i>Last Tango in Paris</i>	ЛП	136
23:30	ТУЛЬПА / <i>Tulpa</i>	ОКтябрь, 5	82

ТК – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР КИНОАКТЕРА
ЛП – ЛЕТНИЙ ПИОНЕР
ЦДК – ЦЕНТР ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

35 МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ ПРОВОДИТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
35 MOSCOW INTERNATIONAL FILM FESTIVAL IS HELD WITH THE SUPPORT
OF THE MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

СПОНСОРЫ 35 ММКФ / 35 MIFF SPONSORS

Mercedes-Benz

CARRERA / CARRERA
MADRID

Коммерсантъ

InStyle

АФИША@mail.ru

HELLO!

WEEKEND

ГРУППА
РИА НОВОСТИ

Hollywood
THE RUSSIAN REPORTER

WWW.KINOBUSINESS.COM
КИНОБИЗНЕС
СЕГОДНЯ

СВОЙ
ЖУРНАЛ НИКИТЫ МИХАЛКОВА
www.svoiy.ru

